

Глава 11

На берегу

Наступила ночь.

Су Лин подложил под матрас охапку рисовой соломы, которую нарезал днём. Лежать на ней было одно удовольствие — мягко, а в воздухе разливался терпкий, согретый солнцем аромат поля.

Погода стояла ясная, и благодаря помощи Девятнадцатого постельное бельё и одеяла удалось выстирать и просушить. Теперь вся комната была пропитана свежестью мыльнянки и сухих стеблей.

Сделав глубокий, довольный вдох, Братец Лин поднялся, взял ещё одну вязанку соломы и направился в соседнюю, главную комнату, где обустроили место для раба.

Это помещение выглядело ещё более сиротливо, чем боковая пристройка. Если бы не тяжесть старого кроватного каркаса, который дядя Синчжу попросту не смог вытащить, здесь остались бы одни голые стены.

Первые несколько дней в доме не было света, и юноша ложился спать, как только сгущались сумерки. Но сегодня ему удалось выманить у тётушки кое-какую утварь: горшки, миски, плошки, даже масло для ламп и мыльнянку — он не упустил ни одной мелочи. Юань Цзинцуй хоть и пыталась сохранить лицо, но сердце её явно обливалось кровью с каждой отданной вещью. Вспоминать об этом было чертовски приятно.

Су Лин подошёл к двери. В главной комнате всё ещё горел свет, золотистый отблеск пробивался сквозь щели в дереве. Изнутри доносился ритмичный звук — скрежет металла о дерево.

Юноша замер на пороге. Позади — непроглядная ночная тьма, впереди — комната с чужаком, который зачем-то точит нож. Сердце предательски ёкнуло.

Признаться честно, он решился купить слугу на невольничьем рынке во многом потому, что полагался на свой дар слышать голос сердца. Но вспыльчивый нрав и мимолётная жалость сыграли с ним злую шутку.

Девятнадцатый вёл себя безупречно, и прежний Су Лин был бы вполне доволен таким приобретением. Но жизнь научила его, что внешность обманчива — взять хотя бы семейку дядюшки. Способность слышать мысли на этом человеке почему-то не работала. То ли раб был абсолютно спокоен, то ли в его душе царила мёртвая тишина. Эта молчаливость пугала Братца Лина больше всего — он никак не мог понять, что у того на уме. Поэтому, радуясь

старательности Су И, он в то же время не спускал с него глаз.

Пока он колебался, дверь со скрипом отворилась. На пороге выросла высокая фигура.

Тусклый свет лампы обрисовал силуэт мужчины, пламя фитиля затрепетало на сквозняке. Взглянув на солому в руках юноши, Девятнадцатый молча отступил в сторону, полностью открывая проход.

Войдя внутрь, Су Лин увидел, чем занимался его слуга. Тот обтёсывал деревянные колья. На полу валялись ошмётки коры. Одна палка была толщиной с руку юноши, другие — поменьше, но все были остро заточены с обоих концов.

Такой колышек мог не просто ранить — в умелых руках он превращался в смертоносное оружие... Впрочем, раб не походил на отпетого злодея.

— За... зачем тебе это? — Су Лин невольно прижал к себе охапку соломы.

Мужчина, пристально наблюдавший за ним, заметил тень страха в его голосе. Его взгляд на миг потемнел. Ни слова не говоря, он снова взял тяжёлый нож и вернулся к работе.

Спустя мгновение, заметив краем глаза, что плечи юноши всё ещё напряжены, он перестал строгать и, глядя на остриё кола, глухо произнёс:

— У меня нет инструментов. Завтра возьму это и схожу в горы.

Сказав это, он снова принялся за дело. Мускулы на его смуглых руках перекатывались под кожей. Колышек упирался в камень, и с каждым ударом ножа на пол летела крупная стружка.

Братец Лин немного расслабился.

— В глухую чащу не ходи, — посоветовал он. — Я в охоте мало что смыслю, но знаю, что в горы наши мужики ходят только по десять-пятнадцать человек. Попробуй удачи где-нибудь на опушке.

Мужчина поднял голову, взглянул на него и неожиданно кивнул, издав короткое:

— Мгм.

Су Лин удивился. Надо же, он не только услышал, но и ответил!

Впрочем, раздумывать долго он не стал. Сбросив солому на кровать, юноша принялся

старательно разравнивать её, создавая мягкую подстилку. Он так увлекся, что не заметил, как скрежет ножа за его спиной на мгновение стих.

Когда Братец Лин закончил и обернулся, раб уже вовсю работал — нож в его руках мелькал ещё быстрее, чем прежде.

Видя, что мужчина полностью поглощён делом, юноша, не найдя слов, молча вышел и прикрыл за собой дверь.

Как только скрипнула петля, в комнате воцарилась тишина. Мужчина сжал деревянный кол в руке, его лицо в полумраке оставалось непроницаемым. Встав, он подошёл к кровати и откинул одеяло, глядя на ровный слой соломы. Помедлив, он коснулся сухих стеблей, а затем вытянул одну соломинку и поднёс её к лицу.

Она пахла молоком и свежестью мыльнянки.

Спустя мгновение он вытащил ещё несколько стеблей и, присев на край постели, принялся что-то из них мастерить.

Утром Су Лин выглянул в окно: Сяо Хэй сладко спал на ступенях, во дворе было тихо. Лишь в самодельном очаге из трёх камней теплился слабый огонёк, а на огне стоял железный котел, накрытый деревянной крышкой.

Возле колодца, как и вчера, стоял таз с водой, в котором отмокала свежая ивовая веточка. Если иву выдержать в воде, её волокна становятся мягче и не так царапают дёсны.

«А раб-то внимательный, — отметил про себя Братец Лин. — Заметил, видать, как я вчера до крови натёр десну»

Умывшись, он заглянул в котел. Поверх каши поднялась густая, наваристая пенка — именно такая консистенция, мягкая и нежная, нравилась ему больше всего.

Завтрак поднял настроение, и даже чёрный щенок показался юноше симпатичнее. Правда, лапы и голова у него были непропорционально крупными, а кучерявая шерсть совсем не походила на шкуру обычных деревенских дворняг. Впрочем, Су Лин не стал ломать над этим голову.

Глядя на яркое солнце, он решил перестирать сундук вещей, присланный Юань Цзинцуй.

Девятнадцатый невесть откуда притащил огромный плоский валун и установил его во дворе.

На таком камне удобно было стирать одеяла, но сегодня Су И не было дома. Су Лин мог бы вытянуть из колодца одно ведро воды, но таскать её постоянно для большой стирки ему было не под силу.

Поэтому он решил отправиться к реке.

Вода в реке Лунтань была чистой, а берега — просторными. Могучая ива, ствол которой был не меньше буйволиной головы, склонилась над самым потоком, раскинув густые ветви и создавая широкую тень.

Сначала Братец Лин был один, но вскоре ниже по течению пристроились ещё двое деревенских.

Вообще-то его одежда была чистой, но он терпеть не мог запаха чужого дома, тем более дома Юань Цзинцуй, поэтому стирал всё с особой тщательностью. Юноша разложил нарядную рубашку на воде, позволяя течению расправить ткань.

Стирать Су Лин толком не умел — раньше за него это всегда делал слуга-гээр. Сейчас он просто полоскал вещи в воде, надеясь, что пена от мыльнянки сойдёт быстрее. Но в глазах соседок это выглядело как нарочитая демонстрация богатства. Дорогая ткань и искусный крой его нарядов всегда были предметом зависти всей деревни.

Он заметил их недовольные мины, но и бровью не повёл, продолжая своё занятие.

Внезапно рядом с ним опустился ещё один таз.

— Лин-эр, ты бы поосторожнее, а то река унесёт твою красу, — раздался знакомый голос.

Су Лин обернулся. Перед ним стояла сухопарая женщина средних лет с тонкими губами и волосами, туго стянутыми в безупречный пучок.

— Пятая тётя, вы тоже стирать? — холодно отозвался он.

Ши Синцзюй поставила таз, ловко подхватила плывущую одежду и принялась энергично её тереть.

— Ах ты, горе луковое! — рассмеялась она. — Ты стираешь или играешь? Всё такой же сорванец, никак не повзрослеешь.

Юноша присел и забрал одежду из её рук.

— Негоже мне вас утруждать, тётя.

Ши Синцзюй, видя, что Братец Лин настроен решительно, окинула его долгим взглядом.

— Лин-эр, три твоих тётки живут прямо на том берегу, а ты к нам и носа не кажешь. Я-то думала, Юань Цзинцуй о тебе заботится, а вчера бабушка такое рассказала... — Она понизила голос и придвинулась ближе. — Юань Цзинцуй на каждом углу трезвонит, что ты в дом дикаря привёл, да ещё и забрюхатил! Она ведь тебе родная тётка, как язык повернулся такую грязь на твою голову лить? Раньше-то всё такой добренькой прикидывалась, а как Синсянь помер — тут нутро-то и вылезло. Жалею я теперь, что позволила ей за тобой приглядывать. Знала бы — к себе бы забрала, под своё крыло.

Су Лин искоса взглянул на собеседницу.

— Тётушка Цзинцуй не солгала.

— Я и впрямь купил мужчину.

Не давая Ши Синцзюй опомниться от изумления, он продолжил:

— Мы повздорили немного, но тётушка ко мне всегда лучше, чем к родным детям относилась. Она просто за меня переживает, вот и поучает при людях.

— Неужто? — Пятая тётя недоверчиво нахмурилась. — Неужто я её превратно поняла? Ну, если так, то и слава богу. А то я уж расстроилась, что вы в контрах... Раз в семье мир, так и на душе спокойнее.

— Вот именно. Вчера тётушка мне столько всего прислала! Даже старую наседку предлагала отдать, еле отговорил. Совесть ведь иметь надо.

Руки Ши Синцзюй, терзавшие бельё, на миг замерли. Внутри неё всё сжалось от жадности.

«У неё-то всего одна курица в хозяйстве, а у меня — целый двор! — подумала она. — Ну, Юань Цзинцуй, ну проныра...»

— Одна курица? — вслух произнесла она с напускной щедростью. — У меня их вон сколько бегают. Пойду домой — выберу тебе самую жирную и принесу.

— Ну что вы, тётя! — замахал руками Су Лин. — Вы же их на продажу растите, не могу я принять такой подарок.

— Глупости! Значит, от тётки Цзинцуй брать можно, а от родной Пятой тёти — нет? Или ты её больше любишь? — пригрозила она в шутку.

«Ах ты, змея Цзинцуй! — кипела про себя Пятая тётя. — Если бы мать мне вовремя не шепнула про твои делишки, ты бы этот жирный кусок в одиночку проглотила. Столько лет за счёт младшего брата жировала, и теперь хочешь всё прибрать? Ну уж нет, я тебе не позволю!»

<http://bllate.org/book/15320/1354527>